

Анна Александрова

ПО ТУ СТОРОНУ

ИЛИ ИГРЫ, В КОТОРЫЕ ИГРАЮТ БОГИ

Анна Александрова
По ту сторону, или Игры,
в которые играют Боги

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69256639

SelfPub; 2023

Аннотация

Мир увлекателен, интересен, безграничен. Мы не знаем, как он устроен за пределами своих физических рамок. Да и есть ли что-то там, по ту сторону? Хотите заглянуть? Посмотреть на одну из версий устройства Вселенной? Прожить вместе с героями книги жизнь, смерть и посмертие? Читайте «По ту сторону, или Игры, в которые играют Боги».

Содержание

Предисловие	5
Рассказ 1. Артефакт	6
Рассказ 2. Стажёр	10
Рассказ 3. Молитва	13
Рассказ 4. Семён	16
Рассказ 5. Верховная Жрица	21
Рассказ 6. Самоубийца	27
Рассказ 7. Между мирами	31
Рассказ 8. Предназначение	35
Рассказ 9. Марк	41
Рассказ 10. Пахом	46
Рассказ 11. Когда я был Андреем...	49
Рассказ 12. Шумак	56
Конец ознакомительного фрагмента.	61

Анна Александрова
По ту сторону, или Игры,
в которые играют Боги

Предисловие

Мир увлекателен, интересен, безграничен. Мы не знаем, как он устроен за пределами своих физических рамок. Да и есть ли что-то там, по ту сторону?

В этой книге собраны рассказы про то, как быть могло бы. Вы прочтёте истории о мироустройстве согласно разным религиозным течениям. Но сама книга учением не является.

Всё, что здесь написано, – вымысел автора, который ни к чему не призывает, ничему не учит. Просто рассказы – не проповеди, не притчи, всего лишь плод писательской фантазии.

P.S. Маленький совет – не читайте книгу залпом. Каждый рассказ – законченная история. Дайте им осесть в вашем сердце, каждой по отдельности, не торопясь, не перескакивая.

И ... поехали!

Рассказ 1. Артефакт

Вернёшься на путь свой, к главной цели.

– Всё, ты умер!

Я смотрел на собственное тело, утыканное проводками и трубочками. Старое, морщинистое, в пигментных пятнах, как у жирафы. Больничная сорочка задралась, оголив свисающий по бокам живот и впалую лысую грудь. Бр-р... как я дожил до такого?

– Давай, выходи, – настойчиво звал меня Гардиан. – Гейм овер.

Я обернулся. Свет. Свет транзитного тоннеля манил, но мне хотелось побыть в этом мире ещё чуть-чуть. Хотелось увидеть, что будет дальше. Будут ли похороны? И кто на них придёт? Будут ли они плакать? А ещё хотелось знать, поймут ли они, что смерть не случайна, что это Джимми, паскудник, подмешал яду в пюре. И Джимми в глаза хотелось взглянуть. Что же там творится за ними, в душонке его чёрной?

– Выходи, мать твою! Опять зависнешь там привидением лет на сто.

– Иду, – отозвался я и сквозанул в тоннель.

Пока летел, отпустило окончательно. Почувствовал все-ленское облегчение. Нет, не так. Обле-е-егче-е-е-ение... и блаженство от осознания своих неограниченных возможно-

стей. Нет больше тела, нет болезней, тревог, недовольства, желаний, обид. Земная суета, гонка за успехом, новыми целями, деньгами – всё не про меня. Я много больше, чем то, что заложено программой.

– А уровень-то ты так и не прошёл, – вмешался в поток сознания Гардиан.

– Ой, бли-и-ин... и что, опять туда, на Землю? – завибрировал я на низких частотах.

– Угу, пока не получишь опыт большой и чистой любви, не видать тебе следующего уровня. Это важный артефакт. Без него никак. Можешь пока на Центавре отдохнуть пару жизней, а потом снова в человека.

– Нет, давай сразу. Не хочу тянуть. Только настройки поменяем.

– Окей, чего хотим?

– Давай так: Женщина. Интроверт. Ответственная, сильная, умная... хотя, может, не надо умную? Окей, пусть будет умная. Творческая жилка чтобы была. Организаторские способности.

– Настроил. С коммуникациями что?

– Говорю же – интроверт. Стеснительная, но способна это преодолеть.

– Окей, Меркурий в двенадцатый дом поставил, Кету к нему добавил. Дальше?

– По характеру всё. Давай судьбу лепить. Куда посоветуешь?

– Ты ещё в России ни разу не был. Хочешь?

– Давай попробуем. Год рождения какой?

– Конец XX века, 80-е или 90-е. Как раз отличные условия для роста личности. Родители разведутся, придётся несладко. Судьбоносную встречу в двадцать пять лет поставлю, подберу из наших кого-нибудь тебе в напарники. Не профукай его. Если всё хорошо и поженитесь, то подкину в процессе парочку испытаний: двое детей гиперактивных, безденежье... ипотеку хочешь?

– Не хочу. Лучше измену давай, случайную.

– Окей. Пройдёте все испытания, сохраните любовь – получишь доступ к следующему уровню.

– А если заблужусь? Опять болезнями возвращать на путь будешь?

– Как обычно. Могу смерть ребёнка устроить. Это должно встряхнуть так, что точно проснёшься.

– Ну а помощь хоть какая-нибудь будет? – спросил я с надеждой.

– Как обычно – я рядом. У тебя с прошлых уровней есть опыт крепкой дружбы, всепрощения, умения доводить дела до конца. Что из артефактов с собой возьмёшь?

– Всепрощение, конечно.

– На измену подстраховываешься?

– Угу. И по знакам что? У меня с этим беда. Когда там, вообще не чую знаков и подсказок, тебя не слышу, полное погружение.

– Артефакт интуита в следующем уровне добывать будешь, без него тяжело, знаю. Сейчас давай что-нибудь совсем очевидное возьмём... чтоб не пропустил. Придумал! Я тебе наш диалог запишу их языком и подсуну в виде рассказа в самый сложный этап. Как прочитаешь, что-то да вспомнится. Вернёшься на путь свой, к главной цели.

– Договорились.

– Ну что, загружаю Сансару?

– Давай. Готов. Поехали!

– Удачи в новой жизни!!!

Рассказ 2. Стажёр

Жизнь – интересная игра.

Я расскажу тебе о том, как устроен этот мир, весь мир – по эту и по ту сторону жизни. Тебе уже можно *знать*. Если, конечно, согласишься.

Я должен предупредить, что в человеческом языке (в любом из них) нет таких слов, которые могли бы раскрыть в полной мере то, о чём я буду рассказывать. Я попробую передать информацию ассоциациями, знакомыми тебе земными образами. Я расскажу тебе то, о чём мне поведал Гардиан, о том, что я видел, когда проходил... стажировку. Да, можно назвать это так. Я – стажёр. Я учусь быть хранителем.

Представь себе огромную залу, уходящую ввысь, вглубь, в стороны бесконечными стеллажами. Как библиотека или хранилище. Но таких размеров, что нет ему ни конца ни края. На невидимых полках (или просто зависнув в пространстве?) хранятся секстиллионы прозрачных сфер. Это жизни. Каждая сфера – прожитая кем-то, где-то, когда-то жизнь.

Некоторые из них подсвечены (эти жизни проживаются прямо сейчас), большинство погружены в темноту, а некоторые, даже погаснув изнутри, продолжают освещать мир вокруг, как потухшие звёзды всё ещё несут свет на землю. Пу-

теводные звёзды...

Сферы собираются в цепочки, соприкасаются друг с другом, объединяются в родственные, хранят память и опыт прожитого. Все одновременно, в единстве пространства и времени, к какой бы эпохе ни относились.

На каждую человеческую душу приходится от пары десятков до пары сотен таких сфер-жизней. Моя цепочка сфер замкнулась, я вышел из цикла рождений, собрав весь нужный мне жизненный опыт. Теперь я вне пространства и даже вне времени. Это трудно объяснить. Но я могу существовать одновременно в каждой из своих жизней, а могу выходить за их пределы свободно.

Я выбрал стать ангелом-хранителем, Гардианом. Я учусь и набираюсь опыта у другого такого же Гардиана. Он ведёт меня по эту сторону мира, как вёл когда-то по ту – там, где всё ещё ты.

Каждая душа выбирает – прожить ли прошлую жизнь заново или поменять настройки, создать новую сферу. И Гардиан помогает, подкручивает, подстраивает главные вехи судьбы. А потом сопровождает душу в земном воплощении.

– Как ты помнишь их всех? – задал я вопрос своему наставнику однажды. – Их задачи, особенности каждого?

И он ответил:

– Всё просто, присмотришься. На сферах прописаны едва заметные знаки, среди них есть и цифры – дата, время, координаты рождения, есть символы, указывающие на добытые

уже артефакты, и символы, подсказывающие предназначение и задачи этой жизни. Это цифровой код судьбы. Я просто знаю, как его расшифровать. Для меня это легко, мимоходом. Ты тоже научишься.

– На Земле это называлось нумерологией.

– А ещё астрологией, хиромантией, тарологией, считыванием ауры... Мир полон знаков. Жизненный код человека так или иначе запечатлён или отражён внутри сферы – в дате рождения, в положении планет, в линиях на ладонях. Поэтому тот, кто ищет, – тот находит. Но это непросто. И не каждому дано *знать*.

А тебе дано, мой друг. Да-да, тебе. Хотя ты и не веришь сейчас. Улыбаешься? Думаешь, это шутка такая? Манипуляция автора? Да, ты прав... возможно. Просто наблюдай, читай, развлекайся. Жизнь – интересная игра, а это просто интересная книга с историями о жизни... которая игра.

Рассказ 3. Молитва

Просто чудо какое-то.

В реанимационном отделении Ивано-Матрёнинской детской клинической больницы стояли двое в белом и молча разглядывали маленького пациента. Мальчишку лет десяти. Худой, бледный, недвижимый, с маской ИВЛ на угловатом лице. Глазницы запали, из-под сомкнутых ресниц растеклась болезненная синева.

От тонких рук тянулись прозрачные трубочки системы, от щупленькой груди – проводки. Рядом мерно пикал устрашающе огромный аппарат мониторинга, экран рисовал слабый ритм больного сердечка.

– Пора, – произнёс один из присутствующих. – Отключай, его время вышло.

– Не могу, – второй не отрывал глаз от невесомого сферического планшета.

– Гардиан?! На тебя непохоже... с чего вдруг сантименты?

– Да нет же... Я действительно выключить не могу, не жмётся кнопка. – Гардиан развернул планшет к коллеге и продемонстрировал, как нажимает на сенсорную кнопку в центре. – Реакции ноль!

– Интересный поворот, – задумчиво протянул его напарник и перехватил сферу.

Проворные пальцы заскользили по мерцающей поверхности, порылись в настройках, включили сканирование всех систем...

– А-а-а-а, вот оно что. Помехи... Молится!

– Кто?

– Мать, конечно, кто ещё-то?.. Пошли посмотрим!

Шаг в сторону, и оба уже в старенькой церкви при больнице, у иконы Божией Матери.

– Вот она, – воскликнул Гардиан, опускаясь рядом с заплаканной растрёпанной женщиной в сбившемся набок платке.

Та стояла на коленях, уронив голову на ладони. Плечи её скорбно поникли и сотрясались мелкой дрожью совсем не в такт приглушённым рыданиям. Она то резко вскидывалась и быстро-быстро бормотала молитвы вперемешку с обетами и клятвами, то вновь склоняла голову и беззвучно плакала.

– Уже десять часов вот так, – кивнул в её сторону старший, заглянув в планшет-сферу.

– Посмотри её программу. Что там?

– Всё по сценарию – смерть сына. У них договор там, – ткнул прозрачным пальцем в воздух. – Он умирает ребёнком, она учится смирению, принятию, избавляется от гордыни. Как задумано, так и движется.

– Почему тогда её молитвы создают помехи программному обеспечению?

Первый озадаченно пожал плечами.

– Так бывает... иногда. Когда... урок усвоен до события...

Осторожнее!!!

Гардиан едва успел переместиться в пространстве, как на его место сели двое: пожилая женщина и осунувшийся молодой мужчина – бабушка и отец мальчика.

– Ясно-понятно. Тяжёлая артиллерия подоспела.

– И что мы будем с ними делать? – растерялся Гардиан.

– Да ну их, – махнул крылом первый. – Переписывай сценарий. Ей последнее предупреждение. А пацану... пацану придумай просто жизнь. Пусть посуществует в удовольствии. Полсотней лет раньше, полсотней лет позже... Невелика разница.

В реанимационном отделении Ивано-Матрёнинской детской клинической больницы стояли двое в белом и в недоумении разглядывали маленького пациента. Мальчишку лет десяти.

– Поразительно... – не веря глазам своим, протянул первый.

– Сам в шоке, Андрей Сергеевич. Думал, до утра не доживёт, а тут... хоть сейчас выписывай. Просто чудо какое-то.

Рассказ 4. Семён

Случайности не случайны.

Сквозь дешёвые, неплотно задёрнутые занавески в комнату нагло лезли лунные лучи. Протоптали дорожку поперёк кровати, выползли на стену и в зеркало. А оттуда по всем углам и закуточкам маленькой спальни. Но обитатели комнаты дрыхли сладким сном, не видя этого безобразия.

Семён уткнулся носом в Натахину шею, его челюсть открылась, дыхание было ровным и расслабленным. Снилось что-то мягкое, пахнущее молоком и травами. Такой сон прерывать никак не хотелось. Но шестое чувство предупреждающе кольнуло под лопаткой. Семён почуял неладное. Вынырнул из мира подсознательного, открыл левый глаз.

Тишина. Однако шестое чувство просто так не колется. Тем более под левой лопаткой. Открыл второй глаз, прислушался. Так и есть! Там, в углу...

Семён выскользнул из-под одеяла, стараясь не разбудить Наташу, мягко переместился на край кровати. И угрожающе зашипел, прижав уши.

– Да будет тебе, – провибрировал тёмный угол. От него отделилась туманная фигура, подошла вплотную к коту. – Я не за ней. Рановато ещё. Наоборот, помочь хочу.

Семён шипеть перестал. Посланники и раньше приходи-

ли. Но чаще просто наблюдали, решали что-то между собой, с ним не пытались заговорить. Семён их видел, слышал, различал. Вот этого конкретно звали Гардиан. Он чаще всех к Наташе приходил.

– Твоя Наташа с пути сбивается, – начал жаловаться на хозяйку ангел. – Ей такой талантище выдан при рождении – детей учить. Она же педагог от Бога. А повелась на уговоры отцовские. Завтра собирается про увольнение завучу писать, класс свой бросит, уйдёт из школы. И что? Бизнес всё равно не её стезя, и пытаться бессмысленно, нет там закладок на успех. Но вот себя потеряет. Она же любит школу... и детей... и предмет свой. Не знаю, что делать с ней. Я и так и эдак намекаю: то статью, то новость соответствующую подкину. Всё без толку.

Семён понимающе муркнул. Натаха и правда ходит сама не своя в последние дни. Свет вокруг неё с зелёного на тёмно-красный и мутно-синий сменился. Он уж запереживал – не заболела ли? Всё норовил на голову ей прилечь.

– Есть у меня одна мысль, последний шанс отговорить её, – продолжил Гардиан. – Но помощь твоя нужна.

Наташа выключила будильник, потянулась. Но сладкой утренней неги не прочувствовала. На душе тяжёлым грузом висело принятое вчера решение. Надо взять себя в руки и выполнить задуманное. «Чуть позже, – поморщилась она. – Сначала... кота покормить».

– Сёма! – позвала хозяйка. – Ну и где твои «Наташ, хватит спать! Наташ, вставай, есть пора!»? Ты чего такой скромный с утра?

Семён недвижимо сидел на краю кровати и пристально наблюдал за... телефоном.

Наташа потрепала его по аккуратной рыжей макушке, встала. На кухне поставила чайник, насыпала корм в миску, ушла в ванную. Семён не шелохнулся.

– Эй, парень, что с тобой? – удивилась Наташа, вернувшись. Взяла кота на руки, попутно захватила телефон с тумбочки.

Приземлив Семёна возле миски, приготовила себе кофе, села за стол и начала набирать текст на экране смартфона:

«Елена Дмитриевна, здравствуйте! Простите меня, пожалуйста, я знаю, что подвожусь Вас, но решение принято. В следующем учебном году я в школу не выйду. Вам надо успеть подать заявку на нового учителя истории. И моему 6-му «Д» замену классного руководителя найти. Поэтому и пишу сейчас Вам лично. А заявление оставляю у секретаря сразу после отпуска».

Наташа ещё раз внимательно перечитала сообщение. Большой палец замер над кнопкой «отправить». На душе не то что буря – там тропический циклон с торнадо и цунами разыгрались: страшно, совестно, жалко до слёз и...

– Мя-я-я-я-а-а-а-а-а-а-ау, – заорал вдруг Сёма истошно, пронзительно, по Станиславскому достоверно. Заорал и

шмякнулся набок.

Наташа бросила телефон на стол и кинулась к вопящему животному.

– Что с тобой, Сёмочка? Что случилось? – причитала она, хватая кота на руки и осматривая со всех сторон.

– Мяу-у, – уже спокойнее произнёс Сема, но из рук не вырвался. Наоборот, прижался, затарахтел и на всякий случай вцепился покрепче в Наташину пижаму.

– Да ты чего сегодня? – в который раз удивилась Наташа. Отцепиться получилось не сразу, да и как оторвать от себя мурчащего котейку? Посидели, пообнимались. Всё как положено у котов и их хозяек. Когда же Наташа вернулась к столу и телефону, то глаза её невольно округлились. На экране, рядом с зелёненьким значком мессенджера, высвечивалось красным тридцать шесть (!!!) неотвеченных сообщений.

Дрожащими руками Наташа открыла приложение и охнула: вместо послания завучу текст об увольнении ушёл в чат с её шестым «Дэ».

– Твою ж мать, – только и смогла прошептать Наташа. – Как же я так?

А в ответ на «ошибочно» отправленное сообщение дети писали:

«Наталья Игоревна, не уходите!»

«Пожалуйста, Наталья Игоревна, мы не хотим без вас учиться!»

«Я только из-за вас в школу хожу! Если вы уйдёте, я то-

же».

«Не уходите, прошу. Я обещаю больше не ругаться с математичкой»

...и ещё... и ещё... и ещё.

Наташа ревела в голос, ревела в кота, потом писала в чат, просила прощения и обещала никогда и никуда от них не уходить.

А довольный Сёма и не менее довольный Гардиан улыбались и синхронно вибрировали на высоких частотах.

Рассказ 5. Верховная Жрица

Я принимаю дар.

Камень пролетает совсем рядом, попадает в стражника. Тот вопит, вращает выпученными глазами. Ирма же дико хочет, за что незамедлительно получает жёсткий тычок по рёбрам.

– Ведьма! Ведьма! – кричит толпа.

Епископ поднимает руку, призывая людей к молчанию.

– Ещё одно доказательство! – ясным, сильным голосом произносит он и резко опускает руку в сторону.

Хромой служитель вкладывает в неё зелёный бархатный мешочек. Священник вытаскивает из мягкой ткани колоду карт и предъявляет толпе.

– Таро! Инструмент дьявола! Его нашли в доме этой женщины, в тайнике за камином!

Вновь загудели-завыли-заскулили-залаяли. Если бы не стражники, разорвали бы её руками. Но вершится суд, справедливый.

– Ирма! – обращается епископ к женщине, произнося слова нараспев, словно в трансе. – Пока-а-айся! Призна-а-айся и пока-а-айся в служении дия-а-аволу!

– И ты отпустишь меня? – дрожащим голосом вопрошает Ирма.

Епископ усмехается.

– Ты получишь шанс на спасение там, – поднимает указательный палец. – Здесь тебя уже ничто не спасёт... ведьма.

Епископ швыряет карты наземь, колода рассыпается, но переворачивается лишь одна, с изображением женщины на троне в папской тиаре, – Верховная Жрица.

– Мне уготована иная судьба, епископ, – поднимает глаза Ирма. – Я принимаю дар. Тебе же возвращаться в этот мир снова и снова, пока не найдёшь...

– Сжечь её! – рычит священник, взмахивает полой расшитого золотом одеяния и шагает прочь с помоста.

Огонь занимается, жар его томным маревом окутывает тело. Верёвки больно впиваются в грудь – не вздохнуть. Ирма поднимает голову, смотрит в толпу. Добрая половина из них бывали у неё: просили помощи, совета, подсказок, хотели знать свою судьбу. Она-то знала... откуда-то всё знала. Но знать – не значит избежать. За то и поплатилась. На том и попалась. Погорела...

Средь сотни злобных глаз вдруг пара светлых, полных любви и нежности. Он. Он! Тот самый, что приходил во снах.

– Гардиан, – шепчет Ирма и тут же кричит от жгучей боли.

– Всё хорошо, – отвечает неслышно, лишь движением губ. – Делай, как учил. Закрой глаза и делай, как учил.

Она послушно следует его указаниям. Закрывает глаза, расслабляет тело, выскальзывает сознанием из его оков, летит свободно над толпою. И слышит лишь *его* голос. Он зо-

вёт её по имени: Ирма...

– ...ирма. Баба Баирма. Баба Баирма, – монотонно те-ребил её за рукав Саянка, любимый правнучек, младшенький. – Баба Баирма, там к тебе пришли, баба Баирма.

Баирма раскрыла глаза, невидящим взглядом посмотрела на ребёнка, на комнату, на женщину в дверях. И тут проснулась окончательно, встряхнула головой, прогоняя остатки сна.

– Вы в порядке, нагаса эжы¹? – встревожилась Сэсег.

– Да, задремала чуток. Что случилось, а?

– Люди пришли, принять просят. Не наши – городские, русские.

– Поздно что так? – заворчала старуха, но потянулась за изогнутой деревянной клюкой, поднялась на ноги, зашаркала ногами по полу.

– Так звать или нет?

– Зови, раз уж тут, посмотрю.

Сэсег юркнула в дверь, потом просунула голову обратно, потянула воздух широкими ноздрями:

– Горелым пахнет, нагаса эжы, в вашей комнате пахнет.

– Давно сгорело всё, э? Зови людей, Сэсегма.

Баирма доковыляла до стола, покрытого цветной тканевой скатертью, села на крепкий деревянный стул, достала ру-

¹ Нагаса эжы – в переводе с бурятского «бабушка по матери».

кой до зелёного бархатного мешочка, подтянула к себе.

За дверью слышались шаги, робкий стук. В проёме нарисовалась грузная, холёная русская женщина. Не старая, вовсе нет. Но... уставшая.

Шаманка сощурила и без того узкие щёлки глаз. Смотрела не на женщину, а за неё. За спиной гостьи – *он*, тот самый... из снов. Гардиан. Хранитель по-нашему. Просителей всегда кто-то сопровождал, она всех видела. Вели к ней своих подопечных за подсказками. Но *он* явился впервые.

– Здравствуйте, Баирма Эрдыниевна, – заговорила женщина и суетливо заелозила руками в большой сумке.

Баирма указала взглядом на второй деревянный стул. Женщина села и снова засуетилась. Достала из сумки бутылку молока, печенье, конфеты. Выложила на стол.

– Я не знаю, правильно ли, – заговорила быстро. – Сказали, надо сладкое принести и молоко, а как и что... я не знаю.

– Звать как? Пришла зачем? – рубила вопросы Баирма, а руки уже развязывали тесёмки бархатного мешочка.

– Дина я. Дом продать не могу. Уехать в Москву хочу, дочь уже там. А тут дом. Большой. Жалко бросить. Хороший. И продаю недорого. Покупатели приходят, нравится. А потом срываются. Три раза уже сделка сорвалась. Может, разговор какой? Может, прокляли?

– Э-э-э-э, глупые, всё вам проклятья да дьяволы мерещатся. В себе разберитесь сначала. – Шаманка презрительно фыркнула.

Она сжала в руках затёртую зелень бархата, прошептала что-то в сухие ладони и высыпала из мешочка россыпь цветных камней. Долго не рассматривала, и так всё ясно. Глянула лишь разок за спину Дины, в *его* глаза, чтоб удостовериться.

– Ты, – говорит Баирма, – давно к матери-то ходила?

– Я? – губы Дины растянулись в тонкую ниточку. – Сестра ходит. Как положено, на Радоницу была, убирала могилу.

– А ты? Чем на мать обижена? Чего простить ей не можешь?

Дина свела тонкие брови к переносице, задышала часто.

– Не обижена я. Нет времени просто.

– Врёшь мне, глупая. И себе врёшь. Ни признать, ни исправить не хочешь. Оттого тебя и не отпускают. Пока здесь все долги не закроешь, не видать тебе нового места.

– Что признать? И что уж теперь исправить? Она нас с Милкой на мужика променяла. Замуж пошла, а сестру я поднимала! А ведь сама девкой... девчонкой ещё была. Ребёнком! – покатые плечи затряслись нервной дрожью. – И я зла не держала, всё как должно сделала, когда... когда умирала мать – перед смертью простились, похоронили, памятник поставили...

– Но не простила...

– Да как? Как это простить?!

– А тут уж не моя забота. Я тебе задачу указала, а дальше как хочешь, так и решай. Хошь к мозгоправам вашим ходи, хошь в церковь. А не хочешь – не ходи никуда. Только ка-

мешек этот до самого конца протащишь, а потом по новой, в другую жизнь его поволокёшь. Пока не поймёшь – *как...* простить. Пока не простишь. Вот твоя задача. Артефакт твой (тьфу ты, шайтан, слово-то какое). Хошь верь, хошь не верь. Моё дело – передать.

Шаманка поднялась, развернулась спиной к гостье, пошаркала к промятому дивану. Когда обернулась, уже не было никого. Села грузно, клюку аккуратно приставила рядом. Вздохнула.

– Гардиан, – шёпотом позвала она. – Когда за мной-то придёшь? Уж девяносто девять лет тут. Отдохнуть хочу.

– Скоро, Ирма, скоро.

Рассказ 6. Самоубийца

Эту жизнь проживём до победного.

Предраассветное небо вовсе не так красиво, как пишут в книгах и постят в социальных сетях. Вот оно – серое, грязное, тяжёлое. Нависает над городом мокрым ватным одеялом, роняет холодные капли на тёплых ещё людей.

Костя поднял лицо к небу. Беспросветное. Как жизнь его, беспросветное. Ни звёздочки, ни лунного лучика. Лишь промозглая бесконечная тьма с бледным отсветом загоризонтного солнца, что не ему светит.

Костя сделал маленький шажочек в полступни, заглянул вниз. Какой этаж? Тринадцатый? Да, тринадцатый... Это сколько же тут? Метров сорок? Зато наверняка...

Пальцы заledenели, но крепко цеплялись за край оконного проёма. Тело инстинктивно тянуло назад, на лестничную площадку. Всё его существо противилось задуманному. Может, как-то само получится? Пальцы ослабнут, нога соскользнёт с подоконника... но нет, тело не сдаётся, оно сопротивляется что есть мочи, цепляется за никчёмную жизнь. Надо собрать волю в кулак и сделать последний уверенный шаг. Иного пути нет.

Он подвёл всех: родителей, жену, сына. Надеялся на лёгкие деньги, уговорил отца заложить квартиру, сам набрал

кредитов. И прогорел. Если бы только его касалось... было бы проще, но теперь вся семья, все, кого он любит... все будут расплачиваться за его беспечность и глупость.

Костя сдвинул правую ногу ещё на полшажочка. Развязавшийся шнурок ботинка соскользнул вниз, повис над серой каменной бездной. А внизу никого. Город спит.

Если бы Костя видел, то очень бы удивился. Прямо напротив него завис в воздухе его хранитель – Гардиан. Он заглядывал в глаза Константину, наигрывал слова поддержки, уговаривал. Только без толку. Костя не слышал.

Рядом же на подоконнике сидел хранитель-стажёр, он просматривал Костины файлы на невесомом прозрачном планшете.

– Это его двадцать третья попытка! – удивлённо воскликнул стажёр.

– Да, так часто с самоубийцами. Если человек заканчивает жизнь сам, то он не может сменить настройки. Его вновь и вновь закидывает в те же самые обстоятельства, в ту же жизнь, пока он не разорвёт петлю, пока не проигрывает другой сценарий в этой точке.

– Временная петля самоубийцы? Это она и есть?

– Да.

– Двадцать два раза! Он проживал свою жизнь и прыгал из этого окна двадцать два раза! Неужели нельзя как-то помочь?

– Напрямую вмешиваться нельзя, а намёки и подсказки я

уже все использовал, – с грустью произнёс Гардиан.

– Может, разбудить ребёнка в квартире рядом? Пусть заплачет! Костя вспомнит о своём сыне.

– Уже пробовал, не получилось, это вызвало лишь приступ горечи и вины.

– Тогда... давай с собакой этажом выше договоримся, пусть поднимет хозяина, выведет его гулять. Лифт вырублю. Вдруг человек его отговорит?

– Когда дверь хлопнет, он прыгнет. Этот вариант я проигрывал в первой пятёрке. Я даже сумел как-то устроить сон вещей его матери, она проснулась и позвонила. А Костя сбросил звонок и шагнул.

– Любые попытки повлиять извне только подталкивают его...

– Да, похоже. Он должен передумать сам. Но как ему объяснить, что испытание надо пройти до конца и самоустранение – не выход?

– А... что, если так?

Стажёр погрузился в планшет, забежал тонкими пальцами по невидимому экрану, быстро-быстро меняя настройки.

Дождь вдруг закончился, неизвестно откуда подул тёплый ветер, согревая околевшие пальцы. Костя поднял взгляд к небу. Там сквозь плотную грязную мглу прорывался к земле первый солнечный луч. Облака расступились, и, словно птица из клетки, лучик выпорхнул на волю, а за ним ещё один, и

ещё... и ещё. Поливали землю теплом и светом, даже Косте досталось чуточку. Солнечный зайчик скользнул по высотке – и прямо в подъездное окно на тринадцатый этаж. Ослепил человека, лизнул в нос и щёки.

Костя охнул, зажмурился. И так жить захотелось вдруг. Не телом, не инстинктами, а душой захотелось.

Отступил назад, спустился на площадку. В сознании всё так же тяжело. Иллюзий, что беды разрешатся на раз-два, нет. Но надежда всё же пробралась в сердце вместе с первыми лучиками нового дня. И значит, жизнь продолжается.

– Разорвали петлю, – охнул Гардиан. – Ну, держись, родной. Не отойду от тебя ни на шаг, и эту жизнь проживём до победного.

Рассказ 7. Между мирами

Я много больше, чем мне кажется...

*Расшифровка голосового сообщения от **.**.21:*

Здравствуй, внученька, здравствуй, Аннушка. Видишь, освоила я твой телеграм и записываю тебе голосом важное. Тебе, ибо ты из наших, из проснувшихся, хоть и не до конца ещё понимаешь. Но скоро примешь, осознаешь в полной мере и сообразишь, что делать дальше.

На рассвете я умру. В сто пятьдесят восьмой раз умру. Но этот раз последний.

Откуда знаю? О, если прожить на Земле сто пятьдесят восемь жизней, семь тысяч девятьсот лет в общей сложности, то многое дано знать. И даже рассказать позволено. Не всё, конечно, и не всем. Но *они* позаботятся, чтобы этот текст попал лишь к тем, кому можно.

Я прожила сто пятьдесят восемь земных жизней. Так много мне понадобилось, чтобы собрать все артефакты игры, что зовётся Сансара. На рассвете я выхожу из неё окончательно и займу место среди хранителей. Но сегодня я ещё успеваю рассказать о том, что такое жизнь.

Каждая жизнь — это шанс найти нужный опыт, добыть один, а то и два-три артефакта. Хотя бывает, что ни одного не достать. Свои первые семь жизней я прожила бесцель-

но. Училась ориентироваться в игре, видеть знаки, слышать хранителя. Потом пошло быстрее. Чем больше артефактов я собирала, тем проще было двигаться дальше: вселенская любовь, умение отстаивать себя, эмпатия к миру, всепрощение, меч воина, свиток знаний... Когда достала звезду интуита – в своё сто тридцать второе пришествие я наконец её добыла, – мне стало много легче.

Правда, сильная интуиция накладывает и некоторые обязательства. Жизнь через жизнь меня начали привлекать в качестве проводника. То гадалкой, то священником, то шаманом рождалась. Приходилось вникать в чужие миссии, что сбивало со своего пути. И ведь нельзя отказаться от дара, иначе потеряешь – и начинай всё сначала. Но мне нравилось. В эти жизни я уже догадывалась... мир много больше, чем то, что видно глазам. И больше, чем то, что слышно ушам. Я – много больше, чем мне кажется.

Сейчас я не просто догадываюсь – я знаю.

Нет-нет, не думай, это не бредни выжившей из ума старухи, как говорит твоя мама. Я знаю. Я... Знаю... Они не верят, потому что им ещё рано. Они думают, что я сошла с ума. Они ещё в самом начале. А ты нет. Ты почти готова к осознанию.

Знаешь, что будет после? Потом, когда наступит рассвет? Я уйду в мир по ту сторону тоннеля. И мой Гардиан встретит меня... Он вёл меня сто пятьдесят восемь жизней. Он мой лучший друг. Я тоже стану хранителем. Вот мой выбор.

Да-да, у нас всегда есть выбор. У нас – у тех, кто по ту сторону, с полным набором артефактов. Это вы пока ещё играете по жёстким правилам Сансары, а у них... у нас... есть выбор.

Я могу, например, стать земным духом, жить у скалы или озера, пугать случайных путников, исполнять желания. Через годы люди заметят, место станут почитать, потянутся ищущие. А я буду раздавать им энергию космоса и направлять.

Могу стать хранителем рода. Сводить родственные души, возвращать в семью потерявшихся, объединять людей с похожими задачами. Вместе ведь легче справиться – опыт предков помогает. Правда, вы считаете, что дело в родовых проклятиях или программах. Но это не так. Просто *они* объединяют игроков с одинаковыми миссиями в один родовой клан, оттого и кажется, что судьбы схожи.

Можно стать блюстителем кармы или святым... но мне нравится роль хранителя, наставника. Я стану Гардианом и, кто знает, может быть, поведу незримо уже твоих детей...

...идёт кто-то. За мной? Нет, в соседнюю палату. Медсестра с порцией утренних уколов. Значит, до рассвета остались секунды...

Тебе подскажут, что делать с этим посланием.

Встретимся с тобою по ту сторону. Прощай, внученька...
(*Невоспроизводимые шумы и шорохи, звук сирены*)

...доктора по... сро... нет пульса... выключи...

Рассказ 8. Предназначение

Для чего мне всё это?

Дождь. Мелкий, холодный, безрадостный. Совсем не тот дождь, что в детстве – когда босиком по лужам, когда мокрая до трусов, но счастливая. Просто. Мерзкий. Дождь.

Ирина с ненавистью посмотрела на сломанную спицу зон-та. Из-за неё зонтик выглядел как старый пёс с опущенным ухом. Покупка нового ей не светила. Походит пока с таким, чёрт с ним.

– Такси надо? – рядом притормозил беленький Polo, со-всем как у Лёшки.

– Нет, – буркнула Ира.

До дома два квартала. Рядом – добежит, не раскиснет. Но внутри заскребла мышью старая обида: Лёшка машину-то купил... на семейные деньги, да только под свои нужды. Ни на работу, ни с работы не заберёт её. Вот и сейчас: робко попросила его приехать, раз дождь, но ему не до неё. Обещал коллеге помочь. Коллега-то, конечно, важный человек... А она?

Ирина шла по лужам, опустив зонт до самой макушки. На работе сплошной день сурка. У кого повышение, у кого ин-тересный проект. У неё же самая нудная работа в мире. Всех проблемных клиентов ей поскидывали. Сегодня Оля ушла в

другой отдел, передав свои висяки Ире. Надо было отказаться, конечно. Можно было, наверное...

Недовольство собой, мужем, коллегами лилось через край переполненного сосуда её терпения.

«Ну что? Что я делаю не так? Почему? За что? Для чего мне всё это? Я ведь хорошая... Не плохая точно. Я ведь всё для них. Для него. Для детей...»

Ира смахнула слезу и, двигаясь на автомате по знакомой дороге, ступила на зебру пешеходного перехода, не поднимая ни зонта, ни взгляда.

Визг, скрежет, крик. Даже не поняла, что случилось. Просто зажмурилась, а открыла глаза уже в другом месте.

Вокруг была темень, но не кромеиная. Пространство шевелилось, искрилось, вибрировало. Ирину как будто несло потоком воды, но было сухо. Даже вымоченные дождём джинсы уже не холодили ноги. Ноги? Ирина направила взгляд вниз: ног нет. Огляделась: тела нет. Прислушалась: ни дыхания, ни сердцебиения. Лишь собственное сознание. И даже закричать нечем.

Поток вдруг остановился, и Ира не услышала, а скорее почувствовала некую вибрацию, несущую смысл. И, как ни странно, она сразу всё поняла. Вот что до неё долетело:

– Стажёр, да что ж ты за хранитель! Куда смотрел? Почему она выскочила из тела?

– Эм-м-м... Авария.

– Я знаю, что авария! Как ты допустил? Она ещё не

выполнила свою задачу! Игра не закончена! Что теперь делать?

– Можем вернуть. Сейчас метнусь, расчищу дорогу для скорой, на соседней улице свободная бригада.

– Есть ли вообще смысл её возвращать? Её задача – научиться любить себя, отстаивать себя, стать цельной и самодостаточной. Для этого ей в программу включены люди-провокаторы: муж, свекровь, пара друзей-абыюзеров. Но уже тридцать шесть земных лет, а успехов – ноль. Прогинается подо всех. Сдаётся. По плану у неё онко в сорок лет, если сама не поймёт. Но... даже не знаю. Может, перепрограммировать сейчас, раз так вышло? Запустить новый жизненный цикл?

– Подожди, Гардиан, я уже всё устроил. Сейчас будет разряд.

Вспышка! Свет! Вой сирены!

– Ещё разряд!

Сознание налилось свинцовой тяжестью и физической болью. Ноги! Что с ногами?

Дышать. Больно. Дышать.

Ирина пришла в себя довольно быстро. Перелом обеих ног. Пять минут клинической смерти. Три недели в больнице. Костыли на ближайшие полгода минимум. Но живая. И... всё помнит. Каждую вибрацию тех пяти минут.

Поначалу было страшно: страшно что-то менять, страш-

но обсуждать случившееся с кем-либо. Она почти уговорила себя, что всё ей привиделось. Возвращалась ежеминутно мыслями в тот подслушанный диалог о предназначении. Но продолжила жить прежнюю скучную, никчёмную жизнь. Пока однажды Лёша вновь не отказался забрать её с работы.

– Ты ведь уже почти не хромаешь? Тебе расхаживаться надо. Дойдёшь сама, окей? А то мы с мужиками на партию в бильярд договорились, пара на пару играем. Не приду вовремя – подведу всех.

– Хорошо, – Ирина положила трубку. – Всё хорошо.

Ира вызвала такси, добравшись до дома, достала из кубышки (копили с Лёшей на резиновую лодку) всю наличку. И пошла... расхаживаться. В торговый центр рядом. Потом отправилась в кафе-мороженое и в кино. И хохотала от души над новым мультиком Pixar, потом над ним же и редела. «Душа» – так он назывался. Знак для неё – не иначе. А вечером, уложив детей спать, Ира достала ноутбук и вбила в строку поиска: «Как подать на развод в одностороннем порядке».

Год спустя красивая молодая женщина в ярком платье и туфлях-лодочках буквально летела по солнечным улицам города. Она только что выбила на работе новый интереснейший проект, что сулил хороший заработок. Бывший муж перекинул алименты на детей и ещё чуть-чуть сверху. Бывшая свекровь умолила отдать ей внуков на выходные. И вот теперь свободная и лёгкая Ира мчалась на второе свидание к

Игорю. В животе щекотало, в душе расцветало счастье.

Следом за ней, шаг в шаг, шёл неприметный человек. Они остановились на светофоре перед зеброй, когда их догнал третий незнакомец.

– Стажёр? – позвал он.

– О, Гардиан, что ты здесь делаешь?

– Любуюсь твоей работой.

Стажёр расплылся в улыбке.

– Но есть одно *но*, – стажёр приподнял бровь, Гардиан продолжил: – Ты мухлевал. Она всё слышала. Думал, я не знаю?

Стажёр побледнел и сник. В этот момент включился зелёный, и Ира вступила на пешеходный переход.

– Ирина! – громко окликнул её незнакомец. – Попытка не засчитана! Нехорошо подслушивать.

– Что? – Ира остановилась и оглянулась на смутно знакомый голос.

– Гейм овер!

Визг, скрежет, крики. И даже не поняла, что случилось.

Пока народ собирался над бездыханным телом красивой женщины, двое прохожих медленно растворились в воздухе.

– *Пойми, друг, земным воплощениям нельзя знать своё предназначение наверняка. Они должны сами его найти. В этом смысл игры. Используй знаки, проводников, в конце концов. Но никакой прямой связи. Договорились? А сейчас перезагрузи Сансару, у неё начинается новая жизнь.*

Рассказ 9. Марк

А можно... обратно?

Марк струился неспешным потоком по транзитному тоннелю на *ту* сторону. Мягкое свечение тоннеля успокаивало, расслабляло, к Марку возвращалась истинная память.

Он вспомнил, что на самом деле он не Марк. Вернее, был Марком в последней земной жизни, но то лишь одно из его воплощений. Таковых насчитывалось уже десятки. А сам он много больше, чем ограниченный рамками материальной оболочки индивидуум. Он – чистое сознание.

Последняя жизнь только что закончилась. Это была очень хорошая, невероятно удачная жизнь. Хоть и недолгая даже по земным меркам. Марк прожил сорок шесть лет. И всё у него получилось. Он добыл нужный артефакт, нашёл ту самую «любовь», которую искал из жизни в жизнь. Доступ к следующему уровню теперь открыт.

И всё-таки его что-то смущало.

– Мои поздравления! – поприветствовал его Гардиан на выходе из тоннеля.

Гардиан – личный хранитель, настройщик программы и ассистент в делах житейских. Там, на Земле, он незримо вёл Марка, подкидывая подсказки, возвращая на путь, оберегая от ошибок. Но правила игры таковы, что выходить на пря-

мой контакт хранитель не может. Ответственность за каждый сделанный выбор, за мысль, за действие лежит на игроке. А игрок, пребывая в материальной оболочке, ничегошеньки не помнит.

– Спасибо, друг. Да, всё получилось в этот раз. Только... почему так быстро вывел меня из жизни?

– Ты же сам просил. До погружения. Помнишь, когда настройки судьбы делали, ты говорил, что если добудешь артефакт, то можно сразу выводить тебя?

– Действительно... просил. Хотел побыстрее перейти на другой уровень. Поторопился.

– Не переживай, теперь ты владеешь артефактом «настоящая любовь». Наполнишь ею следующие жизни, а это и вдохновение, и поддержка, и счастье даже в сложные моменты. Так что дальше интереснее и легче будет. Хочешь, прямо сейчас отправлю в новую жизнь? Жизнь полную любви-и-и-и, – Гардиан пропел последние слова и открыл настройки новой жизни. – Куда отправишься?

– А можно... обратно?

– Как так?

– Обратно в ту же жизнь. В тело Марка. Туда, к Алисе...

– Ох ты ж... в тело Марка вряд ли. Нет, никак нельзя.

– Но просто к Алисе? Как угодно, на любых условиях. Понимаешь, она там совсем одна осталась. Так тревожно за неё. Я просто хочу быть рядом. А потом чтобы вместе вышли. Ну пожалуйста.

– Ох, как же это не по правилам, – вздохнул Гардиан. – Опять отхвачу от высших сил. Посмотрим, что можно сделать, не нарушая вселенских законов.

Алиса приехала на кладбище одна. Детей у них с Марком так и не случилось, а сестра и племянники не смогли. Да и не надо. Алиса хотела побыть наедине с мужем.

Со дня гибели Марка прошёл ровно год. И вроде приняла, успокоилась, но необъятная пустота поселилась в сердце. Словно вырвали душу. И Алисе казалось порой, что она физически ощущает, как эхо раскатывается в груди, как пусто там и холодно.

– Здравствуй, мой хороший, – вздохнула Алиса, присаживаясь на мраморную плиту. – Как ты? Я вот тяжко...

Она достала из сумки поминальные блинчики, положила у основания памятной стелы. Коснулась рукой фотографии.

– Какой же ты тут смешной... – улыбнулась она, разглядывая любимое лицо на чёрно-белом снимке. – Как так вышло, что именно это твоё фото взяли? Хотя... ты ведь именно такой и был.

Марк на снимке выглядел обросшим, даже лохматым. Тёмные с проседью волосы падали неровными прядями на широкий лоб, чёрные глаза смешливо шурились из-под кустистых бровей, а вот улыбки видно не было, так как всё лицо закрывали густые усы и борода.

Алиса прижалась лбом к стеле и всхлипнула. Эхом на её всхлип прозвучал протяжный вздох с присвистом. Совсем рядом, над самым Алисиным ухом.

Она вздрогнула, повернула голову. На другой стороне могильной плиты сидел пёс: заросший, немывтый, лохматый. Серая с белым шерсть падала неровными прядями на лоб, закрывая чёрные бусины глаз. Заросшая словно усами и бородой морда растянулась в... улыбке?

– Привет, дружок. Ты откуда здесь? – удивилась Алиса. – Потерялся? Голодный? – Она протянула псу поминальный блинчик. – Держи, Марк не будет возражать, он любил собак.

Лохматый проглотил блин в мгновение и даже успел лизнуть её руку.

– Ты бездомный, – догадалась Алиса, разглядывая пса. Он был явно молодой, не больше года, но худой, потрёпанный, грязный. – Господи, из какой ямы ты вылез? – усмехнулась Алиса и сама же побледнела от неудачной шутки. – Да уж...

Попрощавшись с мужем, Алиса направилась к машине. Пёс последовал за ней уверенной походкой домашней собаки.

– О нет, дружок, прости, я не могу тебя взять, – Алиса села в машину и захлопнула дверь.

Пёс следил за ней с недоумением и поскуливал. Он вставал на задние лапы, подпрыгивал, пытался заглянуть в глаза.

– Прости, – шепнула Алиса ещё раз и, стараясь не смотреть на собаку, завела машину.

Пустота, обосновавшаяся ранее в душе, вдруг ожила и наполнилась тревогой. Алиса тронулась с места, медленно набирая скорость по безлюдной кладбищенской дороге. Лохмач нёсся за ней и отчаянно лаял. Алиса не выдержала, взглянула в зеркало заднего вида, и на мгновение ей почудилось немыслимое: будто это Марк бежит за ней.

Резко по тормозам, открыла дверь, выбежала. А псина, проскочив мимо неё, с разбегу запрыгнула в машину. Уселась на переднее сиденье, посмотрела на Алису возмущённо и издала гортанный ворчливый звук.

– Марк? – пролепетала Алиса. И, испугавшись мысли, отмахнулась. – Какой бред. А я смотрю, ты настойчивый парень... Ну что ж, поехали домой, дружище... Отмыть тебя надо для начала. А потом заедем за поводком и чашками. И за едой. И к ветеринару записать. Надеюсь, с этим проблем не будет?

Пёс коротко твякнул в ответ.

– Бред, какой же бред... я разговариваю с собакой, – начала головой Алиса.

Но тревога вдруг сменилась умиротворением, в груди по-тепелло, душевная дыра заполнялась чувством нужности, вдохновением, любовью.

Рассказ 10. Пахом

На новых уровнях совсем другие жизни.

1903 год.

И стало вдруг тихо. Даже собаки замолкли, прекратили поднятый было вой. Словно куполом накрыло Пахома... и всё им свершённое.

Он обвёл мутным взглядом горницу, ужас ледяной струйкой вливался в... душу? В душу ли? В точку посреди широкой грудины. Души-то нет у него, не может быть, раз такое содеял.

В гневе и пьяном угаре забил до смерти. Как же это он так? Пахом опустился на колени, да прямо в кровь.

– Марьюшка, – сокрушался мужик. – Прости, Марьюшка.

Обнимал недвижимое тело, заглядывал в глаза, да без толку. Поздно. Обернулся к притихшим детям.

– Вы простите меня, окаянного.

Вышел шатаясь в сени, снял ружьё. Холодное. Как сердце его, холодное.

Зарядил, приставил к горлу. Выстрелил.

А через мгновение уже смотрел на себя со стороны. Жуткое зрелище.

– Пора возвращаться, – слышался знакомый мягкий голос. – Транзитный тоннель открыт, жду тебя.

– Нет, не пойду, Гардиан... останусь. Здесь останусь.

2021 год.

Пахом поглаживал рыжую кошку, на гостя не смотрел. Всё больше в окошко.

– Моя-то ушла, – сказал. – На почту, за пенсией. Жду вот её. А ты по какому делу? За ней, что ли?

– За тобой, – всё тот же мягкий голос.

– Мне и тута неплохо. Домовым вот заделался. Внучку до-
сматриваю. Старая уже, памяти совсем нет. То очки потеря-
ет, то телефон.

– Сто двадцать лет почти в нечисти маешься. Возвращать-
ся пора.

– Ага, возвращаться... Я что, правил не помню, что ли? Мне за самоубийство временная петля положена. Вновь по кругу одно и то же переживать. Лучше тут, при доме, как-
нибудь...

– Дом-то опустеет, под снос пойдёт.

– А у Алёнки внуки в городе. Помрёт старая, к ним пере-
берусь. Хоронить приедут, я и пристроюсь.

– Упрямый ты, Пахом. Ты пойми, тут развития нет. Толь-
ко в жизни можно получить нужный опыт... и прощение. Временную петлю можно и разорвать.

Домовой насупился и тихо-тихо, без норова уже:

– А если снова? Если так и не справлюсь с гневливостью? Опять... убью Марьюшку?

– А если справишься? На новых уровнях совсем другие жизни. Сам себя шанса лишаешь. Возвращайся.

Пахом вздохнул глубоко, сгорбился.

– Хорошо. Только Алёнку не брошу. Вместе с ней уйду, как время придёт.

Рассказ 11. Когда я был Андреем...

Говорят, дети могут помнить...

«Ребёнок три года рассказывает о прошлой жизни» – Елена впечатала фразу в строку поисковика, помедлила секунду и всё же нажала на кнопку «найти».

Бог интернета мгновенно выдал ей миллионы статей и форумов, изобилующих примерами и личными историями. Елена поглощала одну за одной:

«Моя мама утверждает, что когда я был маленький, то говорил, будто я погиб в огне давным-давно. Я этого не помню, однако одним из самых моих больших страхов было то, что дом сгорит. Огонь пугал меня, я всегда боялся находиться подле открытого пламени».

«Я подарила сыну игрушечного белого кролика. "Когда я был твоим папой, я подарил тебе такого же. После этого мы никогда больше не виделись", – сказал он в ответ. Папа действительно подарил мне кролика, когда мне было 14. Это была наша последняя встреча».

«Я педиатр. Однажды осматривала пятилетнего мальчика. Он живёт в деревне, у него нет друзей, учится дома, в доме нет телевизора. Он посмотрел на меня и сказал:

"Твой брат спас мне жизнь во время бури в пустыне". Я обмерла. Мой брат был в Ираке, и там он действительно спас ребёнка»

«Очень похожие разговоры были у нас, когда мой сын был очень маленьким. Он сказал "Когда я был Андреем". Это случилось, когда он однажды смотрел мультфильм "Анастасия" (про якобы выжившую российскую княжну Анастасию Романову), а потом показал пальцем на экран и сказал "Вот там я жил, когда я был Андреем". Дети жуткие...»²

Оторвав взгляд от экрана, Елена внимательно посмотрела на внука. Ромка сосредоточенно рисовал цветными мелками ему одному понятные кляксы и закорючки. Нижняя губа оттопырилась, и кончик языка вывалился наружу. Периодически он поднимал голову, смотрел на стену, улыбался и что-то бормотал. Обычный ребёнок. Замечательный любимый внучек. Но иногда он пугал её странными фразами и поведением.

Хлопнула входная дверь – это дочка с зятем вернулись из кино. Елена закрыла ноут и поспешила навстречу.

– Кто там? Ромочка, ну-ка? Кто это у нас там приехал?

После бурных семейных приветствий поболтали о кино, попили чай с плюшками, зять Серёжа наконец-то ушёл в спальню. И Елена решилась на разговор:

² Все истории действительно взяты из сети, с сохранением орфографии и пунктуации.

– Юля, ты за Ромкой ничего странного не замечаешь?

– Ма, ну ты опять? Ну разговаривает он сам с собой, придумал друга. У детей это часто бывает. Как он его называет? Галдиан? Гардиан? Не могу уловить звук в середине.

– Не только это. Я тут почитала, говорят, дети могут помнить свою предыдущую жизнь. До четырёх или пяти лет. Мне иногда кажется... – Елена понизила голос. – Мне кажется, что Ромка – это папа наш.

– Мам, папа умер десять лет назад. С чего такие странные выводы?

– Он сегодня, – Елена кивнула на внука, – назвал меня Ленусиком. Ленусиком!! Меня, кроме Миши, никто так не называл, при Роме тем более. А в прошлый раз он сказал, что скучает по Тоше. По нашей старой собаке, которую он в жизни не видел.

– И что? Мы так называли игрушечного пса. Он его, наверное, имел в виду.

– Нет! В том-то и дело, я ему игрушку подаю, говорю: вот же он. А Ромка отвечает: это не тот Тоша, он скучает по-другому, по настоящему.

– Ой, мам, не выдумывай, – отмахнулась Юля.

И Елена отстала, про третий странный случай рассказывать не стала, всё равно не верит дочь.

Однако в следующие выходные, когда пришла посидеть с внуком, она принесла с собой старый семейный фотоальбом. Когда дети ушли, Елена усадила Ромку на колени и начала

показывать ему фотографии.

– Знаешь, кто это? – допытывалась она у ребёнка.

– Дядя, – простодушно отвечал тот.

Елена уже было выдохнула и хотела закрыть альбом, как вдруг Рома вцепился в потёртую временем страничку.

– Дача, – он тыкнул пальцем в семейный снимок на фоне их старой дачи.

– Да, дача.

– Нам туда надо.

– Да как же? Мы же продали её, Ромочка.

– Очень надо, Ленусик, – мальчик развернулся всем корпусом к бабушке, взял её лицо в свои ладошки и продолжил: – Ты же у меня умная, придумай что-нибудь.

– Миша? – пролепетала Елена.

Но Ромка уже отвернулся, соскользнул на пол и отправился в путешествие по квартире.

Думать, под каким предлогом попасть на старую свою дачу, Елене пришлось недолго. Помогла Юля. Позвонила однажды и сказала:

– Мам, представляешь, нашу дачу старую на продажу выставили. Вика с Димой себе участок ищут под стройку, увидели объявление. А Вика же со мной там часто бывала, узнала по фото. Им, конечно, не подходит, так... повспоминали с ней школьные годы, помнишь, как мы...

Уговорить дочь съездить на дачу было непросто, но всё же Елена справилась.

– Мам, всё равно денег нет. Зачем?

– Просто посмотрим. Ну пожа-а-алуйста. Мне очень надо. Хочу вспомнить, – умоляла она, скрывая истинную цель.

Юля сдалась, взяла семейную машину, маму, Ромку и повезла их «смотреть» бывшую дачу.

– Ностальгия? – спросили хозяева, конечно же, узнав Елену Дмитриевну.

– Да, немного. Дочь вот семьёй обзавелась, думаем дачку прикупить, а тут вы. Всё же своё, когда-то родное. Муж сам строил, царствие ему небесное. После смерти его пришлось продать, а сейчас... внук вот. Мы пройдемся? Осмотримся?

Елена оставила дочь с хозяевами, а сама взяла Ромку за ручку и повела в домик.

– Смотри, Рома, это дача.

– Дача, – повторил мальчишка рассеяно.

Дачка была простенькая: участок в двадцать соток, домик щитовой с кирпичной печью в центре комнаты, веранда с деревянными ещё рамами, скрипучий пол из крашенных досок. Новые хозяева оставили всё как было. За почти десять лет ничего не изменилось. Даже люстра самодельная из морских ракушек всё та же. Елена с мужем эти ракушки с Чёрного моря привезли, ездили когда-то в санаторий.

Ромка зацепился взглядом за пыльные ракушки. Долго смотрел, внимательно. Потом так же внимательно обвёл глазами комнату, вдруг выскользнул из бабушкиных рук – и за печку.

– Рома, – только и успела охнуть Елена Дмитриевна.

Кинулась за ним, а он уже кирпичик снизу подцепил и вытащил. Кирпич оказался не целый – половинчатый.

Елена присела рядом.

– Что там такое?

– Твоё, – заулыбался Рома и отодвинулся.

Елена протянула руку в отверстие, нащупала и вытащила скрученные в трубочку и обмотанные целлофаном бумаги.

Развернула их уже в машина. Оказалось, что это старые акции: «Аэрофлот», «Газпром», «Сбербанк». Много акций. Много разных акций.

Вспомнила, что Миша когда-то давно действительно покупал их. Но она совершенно об этом забыла. Покупать акции в 2000-х казалось полнейшим бредом. Друзья смеялись над ним, она его ругала. А он с каждой зарплаты откладывал по чуть-чуть и в тайне от неё покупал.

– Юль, сколько сейчас стоит акция «Газпрома»? – спросила дочку с заднего сиденья.

– Ну-у-у, тысячи три-четыре.

– А «Норильский никель»?

– Не знаю, загугли.

...

– С ума сойти... двадцать две.

Дачу они всё-таки купили.

– Опять мухлюешь, Гардиан? – строго поинтересовался старший хранитель.

– О чём это вы? Программные сбои в памяти – дело обычное, знаете же. Многие помнят себя прошлого в начале новой жизни. Сейчас всё подчищу, удалю баги. Ну что, Мишка-Ромашка? – обратился он уже к малышу. – Всё, пора. Опять жизнь с чистого листа. Я буду рядом, но уже незримо. Забудешь меня.

– Пока, – Рома помахал рукой. – Я обязательно найду артефакт в этот раз.

– С кем ты говоришь? – Юля с удивлением смотрела на сына.

– А?

Рассказ 12. Шумак

Эти искали Чуда.

«Хрясть!» – подломилась трекинговая палка, и Вера завалилась вперёд под тяжестью рюкзака. Но Лёша успел поймать, поддержать её.

– Ты цела?

– Да. Чёртова палка... чуть не убила из-за неё. – Вера швырнула обломок на камни, а сама присела на корточки, прижавшись огромным рюкзаком к скале.

– Эй, вы чего там? – крикнул инструктор Миша, успевший уже уйти вниз по склону на добрые пятьдесят метров. – Всё в порядке?

– Да, идите, мы догоним! – крикнул Лёша.

Сегодня второй день похода, самый сложный – они идут через перевал. А это горная гряда в 2700 метров высотой, и через неё только так: сначала долго вверх по курумнику, потом долго вниз по курумнику³. Вверх они уже забрались, шли почти пять часов, попали и в дождь, и в снег. Да-да снег в июле. Это Саяны⁴, тут бывает.

³ Курумник – множество крупных каменных глыб, достигающих 1-2 метров, с острыми обломанными или чуть округлёнными краями, расположенными на поверхности.

⁴ Восточный Саян – горная система в Южной Сибири и Монголии. Протяги-

На подъём ушли все силы, но спуск оказался не легче. Ноги тряслись от усталости, коленные суставы разболтались и болели невероятно, не помогали ни бандаж, ни фиксатор.

– Давай понесу твой рюкзак, – Лёша потянулся к ремням.

– Отстань, я сама, – огрызнулась в отчаянии Вера. – Ты и так палатку тащишь, тут только мои вещи.

Вера закусилла нижнюю губу, в глазах её схлестнулись страх и упрямство.

Она настояла на походе. Это ей было надо. Но именно она оказалась самым слабым звеном в группе. Все уже ушли далеко вперёд, только Вера плелась еле-еле на полусогнутых. Вера и её Лёшка, который согласился на всю эту аферу, потому что любил.

– А если мы не дойдём? Сюда даже вертолёт не сядет. – Вера откинулась назад, задрала голову.

– Дойдём. Отдохнём немного и дойдём. Донесу.

*Вере тридцать восемь, её мужу – сорок. Они вместе уже невесть сколько лет. И это **любовь**. Настоящая, та самая, ради которой стоило родиться и жить. Маленькая хрупкая Вера и большой неуклюжий Лёша. Она смуглая, словно только с югов вернулась, с короткой стрижкой чёрных волос и большими карими глазами, он практически альбинос, с бесцветными ресницами и прозрачными, как дождь, глазами. Они были абсолютно разными и по темпераменту,*

вается с северо-запада на юго-восток от Енисея до Байкала. Высота 3491 м над уровнем моря.

и по интересам, но подходили друг другу идеально. Словно кто-то там наверху специально придумал их друг для друга.

– Пошли, – стиснула зубы Вера, подняла сломанную палку и поднялась сама. – Прицепи это куда-нибудь, нельзя оставлять тут мусор.

В их жизни не всё складывалось идеально, но всё всегда было решаемо. Кроме одного – детей пока Бог не дал. А им хотелось. Обоим хотелось, а Вере особенно. Сначала они не торопились, жили для себя. Потом вполне осознанно решились, но ничего не получалось. Потом врачи, обследования, тесты на овуляцию каждый месяц. Доктора говорили, что всё у них в порядке, надо пробовать. Но нет. Пару лет назад пошли на ЭКО, но и это не сработало. Ещё раз на ЭКО – снова мимо.

– Если я когда-нибудь... ещё хоть раз... затею подобную хрень... убей меня.

– Ну ведь дошли же.

Их группа уже разбила лагерь, инструктор развёл костер и варил простецкий, но манящий запахами ужин – похлёбку из сушёного мяса и лапши быстрого приготовления. В таких сложных переходах, когда всё несёшь на себе, не до правильного питания. Рацион рассчитан по граммам. Чем легче по весу и тяжелее по калориям – тем лучше.

– Едим, и всем спать, завтра последний рывок. – Инструктор Миша с тоской смотрел на хмурое небо, в котором тонкая игла молнии то там, то здесь уже сшивала тучи крупными

стежками. – Дождь будет. Дружно молимся, чтобы Шумак не поднялся до утра. Если ближний брод затопит, то завтра в зимовья не попадём, придётся ещё сутки в обход идти.

Пока Лёшка помогал инструктору закрыть общий походный скарб от дождя, Вера забралась в палатку, влезла с головой в их сдвоенный спальник и грела ему место, ждала, думала.

*Про Шумак она слышала давно – целебные источники, место силы. Только добраться до него можно или пешком через горы в три дня, или на вертолётах за много-много денег. Деньги не проблема, они с Лёшкой не богачи, конечно, но живут в достатке, ради мечты никаких денег не жалко. Но ей казалось, что ради **этой** мечты она должна прийти туда своими ногами.*

– Двигай попу, тюлень, – Лёха кряхтел, пытаясь найти удачное положение для ноющих конечностей. – Надо было брать четыре каремата, все рёбра болят.

– Сам тюлень, – просвистела Вера, уплывая в сон под звуки его ворчания и стук дождя о брезент палатки.

Брод не успел подняться, группа успешно перебралась через горную реку, и уже к часу дня они зашли в долину, именуемую, как и река, которая по ней текла, – Шумак.

Здесь оказались и другие люди, много. Были деревянные мостики через ручьи и овражки, ступеньки, выложенные камнями или брёвнами. Почти цивилизация.

Миша переговорил с местным распорядителем, и группа

заняла одно из свободных зимовий.

Деревянный сруб примерно пять на четыре метра, из цельных брёвен, законопаченных наспех соломой. Низкая крыша, маленькое окошко и печь-буржуйка для обогрева. Вдоль длинной стены – нары из расколотых надвое брёвен и небольшой стол со скамейками у окна. Вот и вся мебель. Электричества нет, связи нет, зато сухо и тепло, когда печь горит.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.